

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.1>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОГРАММНЫХ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ЖУРНАЛЕ ¹

Шильникова Ольга Геннадьевна

Доктор филологических наук,
доцент кафедры литературы и журналистики,
Волгоградский государственный университет
shog2511@mail.ru, stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье уточнены представления о структурных, содержательных, образно-стилевых, функциональных характеристиках текстов, традиционно относящихся к группе информационных жанров журналистики. Автором дополнена система факторов, влияющих на формирование жанровой специфики текстов в массмедиа. Результаты анализа программных литературно-критических выступлений в изданиях Н.М. Карамзина «Московский журнал», «Вестник Европы» позволили установить, что конструктивную функцию в механизмах текстообразования таких публикаций выполняют не только рационально-логические структуры. Важную роль в реализации авторских интенций играет использование образных ресурсов публицистического и художественного дискурсов. Включение в программные тексты нехарактерных для информационных жанров компонентов (лирических и биографических фрагментов, экспрессивно окрашенной лексики, художественно-публицистических форм выражения авторской субъективности) обусловлено органическим взаимодействием в текстах нескольких прагматических целеустановок: информационной, индивидуально-авторской (Карамзин-личность) и профессионально-авторской (Карамзин-редактор, писатель, литературный критик). В совокупности с наличием подтекста названные особенности формируют у программных публикаций в журнале новые, несвойственные информационным жанрам признаки – эстетическую функцию, полидискурсивность, находящую выражение в смысловой, экспрессивной и языковой «избыточности», расширяют спектр потенциальных аудиторных эффектов – когнитивных, аффективных, поведенческих, коммуникативных. В результате рождается уникальный по своим параметрам информационный текст программного типа. Автором

определено, что строгая дифференциация жанровых форм журнальных текстов возможна лишь с учетом максимально возможных целеустановок текста, а также его роли в организации общежурнального дискурса и политики издания.

Ключевые слова: журнал, программные тексты, жанр, реципиент, литературная критика, контекст, функция, программирование.

Программные материалы являются важнейшим компонентом любого издания, позволяющим исследователям аргументированно судить о профиле, литературной политике, общественной позиции «толстого» журнала, газеты, различных проектов в электронных СМИ, а журналистам-практикам – моделировать журнальный контекст, совершенствовать структуру, разнообразить контент, эффективно формировать свою целевую аудиторию. В связи с этим идентификация программных литературно-критических текстов «толстого» журнала представляется актуальной научно-практической задачей. Однако в настоящее время системный анализ публикаций данного типа затруднен по причине отсутствия работ, посвященных текстовым параметрам литературно-критических выступлений программного характера.

Задача настоящей статьи – с использованием методов типологического, контекстуального, дискурс-анализа периодического издания и с опорой на историко-журналистский принцип осмысления материала исследовать структурно-содержательные характеристики литературно-критических текстов в журнале и выявить собственно текстовые и экстралингвистические факторы, влияющие на формирование специфических черт текстов программного типа.

Предметом анализа послужили работы Н.М. Карамзина, которые были опубликованы в связи с появлением «Московского журнала» («Об издании “Московского журнала”», «Предупреждение»), его продолжением в 1792 г. («От издателя к читателям») и прекращением издания («Заключение»). Дополнительно аргументировать достоверность выводов позволили еще несколько текстов Карамзина из «Вестника Европы», написанных в том же жанре и с теми же целями: «Письмо к издателю» и «К читателям “Вестника”» (1802 и 1803 гг.).

По общей направленности объявления о «Московском журнале» призваны известить

читателей о появлении (завершении) в информационном культурном поле конца XVIII столетия нового органа периодической печати. По жанру это тексты с доминантной референтной установкой, единственным адресатом которых были подписчики. В соответствии с общепринятыми в современной науке классификациями журналистских текстов карамзинские объявления могут быть отнесены к группе информационных (по классификации А.А. Тертычного) или оперативно-новостных текстов (по типологии Л.Е. Кройчика). Значит, они должны обладать качествами, присущими любому информационному сообщению: оперативностью, релевантностью, фактической точностью, доступностью декодирования, отсутствием несущественной информации, лаконичностью. С точки зрения модели текстопостроения «публикации из группы информационных жанров, как правило, создаются с предельно рациональным и экономичным расходом текстообразующего материала, минимальными интертекстуальными включениями, ровной и умеренной стилиевой организацией. Здесь прежде всего ставится задача добиться полноты осуществления коммуникативного акта» [5, с. 116].

Если же рассматривать эти тексты как специфический вид литературно-критических журнальных публикаций, то оказывается, что цели, задачи, содержание, структурная организация, способы выражения авторской субъективности, аудиторная составляющая этих публикаций гораздо богаче. Соответственно, их влияние на качество нового журнала и его читательский успех было более весомым.

Н.М. Карамзин сумел сделать новый шаг в развитии отечественной журнальной периодики. «До Карамзина у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: он первый дал нам его. Его “Московский журнал” и “Вестник Европы” были для своего времени явлением удивительным

и огромным», – отмечал В.Г. Белинский [1, с. 153]. О Н.М. Карамзине как создателе литературного журнала нового типа писали многие исследователи XX века: В.Г. Березина, Г.П. Макогоненко, Т.Ф. Пирожкова, Ю.М. Лотман.

«Московский журнал» (1791–1792) действительно во многом еще сохранял традиционный литературный профиль, но одновременно вплотную приближался к типу литературного общественно-политического издания. Будущий историк при определении роли журналистики исходил из своего понимания современного этапа развития русского общества и отечественной словесности, а также из того, как виделись ему перспективы движения общественной мысли и искусства в целом. В результате Н.М. Карамзин смог предложить русской публике такой тип издания, который по содержанию, структуре, аудиторной направленности соответствовал потребностям данного исторического момента. Издание вбирало традиции предшествующих русских литературных журналов и в то же время качественно отличалось от них, прежде всего репрезентативностью, определенностью и постоянством своих типологических параметров.

Новаторские типологические характеристики журнала, с одной стороны, изначально предполагали теоретическую рефлексию самого редактора, для которого это был дебютный издательский опыт. С другой стороны, возникала необходимость в публичной экспликации нововведений: надо было объяснить будущим читателям, с чем они встретятся в новом издании и почему издатель считает целесообразным предложить им те или иные материалы. Оба этих аспекта представлены в программных публикациях очень отчетливо.

Новаторство журнала связано с новыми для конца XVIII столетия тенденциями в области литературного творчества. Хорошо известно, что Н.М. Карамзин был реформатором не только русской журналистики, но и прозы, поэзии и критики. На страницах «Московского журнала» в полном соответствии со своим первоначальным замыслом он частями в течение двух лет печатает «Письма русского путешественника». Здесь же появляются его «Бедная Лиза», «Фрол Силин», очерки и бал-

лады, рецензии, разрушавшие постулаты классицизма. В художественных и литературно-критических сочинениях периода 1791–1792 гг. уже вполне проявились черты нового творческого метода Н.М. Карамзина, его эстетические принципы. Очевидно, что журнал задумывался как публичная площадка для утверждения художественной практики сентиментализма, но для начала об этом намерении надо было сообщить публике, подготовить ее к восприятию нового направления, причем так, чтобы не оттолкнуть потенциальных читателей. С этой задачей издателю также удалось справиться.

Кроме того, «Московский журнал» являлся по сути авторским, то есть представлял собой «единый монолог издателя» (Ю.М. Лотман). Время от времени в журнале публиковались и другие литераторы, в частности такие признанные, как Г.Р. Державин, М.М. Херасков, И.И. Дмитриев, но все-таки большинство материалов было написано или переведено самим издателем. Благодаря своему «энциклопедическому, разнообразному таланту» Н.М. Карамзин «был для своей эпохи всем: и реформатором, и теоретиком, и практиком, и стихотворцем, и прозаиком, и поэтом, и журналистом, лириком, сказочником, нувеллистом, археологом. <...> К чему ни обратитесь в нашей литературе – всему начало положено Карамзиным: журналистике, критике, повести, роману, повести исторической, публицизму, изучению истории» [1, с. 152].

Следовательно, Н.М. Карамзин как автор мог предложить читателю самый разнообразный в жанровом и содержательном отношении материал, причем не только художественный, но и научно-исторический, политический, литературно-критический. Это разнообразие скреплялось личностью писателя: индивидуальной парадигмой его мышления, субъективным мироощущением, системой мировоззренческих установок, нравственной позицией. Вольно или невольно каждый из читателей вынужден был смотреть на мир через призму карамзинского мировосприятия, что, несомненно, объединяло аудиторию.

Потому и программные «Объявления» были концептуально выдержаны, последовательны, непротиворечивы. В них не было случайных фраз, необязательных или не выпол-

ненных позже обещаний, а оценочные критерии и принципы ведения журнала, декларированные в одном тексте, всегда находили подтверждение в других.

Составление программы журнала нового типа требовало активного творческого подхода. Н.М. Карамзину, чтобы внятно представить отличное от других «лицо» своего издания, необходимо было запрограммировать целый ряд направлений будущей журнальной деятельности, лежащих в разных плоскостях: собственно литературной, организационной, аудиторной, экономической. Каковы должны быть цели и задачи, содержание, структура, литературная политика, принципы ведения журнала, состав авторов, объем, коммерческие условия выхода – каждый из этих вопросов требовал новаторского решения, по каждому Н.М. Карамзин должен был сформулировать свою точку зрения.

Разноплановость стоящих перед издателем проблем определяла необходимость, с одной стороны, иметь в рефлексии несколько систем оценочных координат, а с другой – рационально расходовать творческие ресурсы и в небольших по объему текстах использовать максимально лаконичные и в то же время наглядные для аудитории приемы репрезентации собственных суждений и оценок.

Объектом объявлений Карамзина было не произведение искусства и не литературный процесс, а литературно-художественный журнал. Поэтому место базового компонента, определяющего содержание, структуру, специфику исследуемого явления, в них занял не философско-эстетический дискурс (как в других литературно-критических текстах), а развернутая оригинальная теоретическая концепция издания нового типа². Опорными в этой концепции являются два момента: декларация новаторских принципов ведения журнала, а также краткая формулировка и манифестация редакторских критериев оценки всех журнальных публикаций, независимо от родовой и жанровой принадлежности, с точки зрения их функциональной значимости для журнального контекста как целостного содержательного и идейного единства.

Уже в газетном объявлении 1790 г. Н.М. Карамзин представил четкую содержательную структуру журнала: «Русские со-

чинения в стихах и прозе», «Разные небольшие иностранные сочинения в чистых переводах», «Критические рассматривания русских книг, вышедших, и тех, которые вперед выходить будут», «Известия о театральных пьесах, представляемых на здешнем театре, с замечаниями на игру актеров», «Описания разных происшествий, по чему-нибудь достойных примечания, и разные анекдоты, а особливо из жизни славных новых писателей» (I, с. 6). В самом перечне не было ничего необычного. Похожий материал русский читатель той поры мог встретить и в других журналах конца XVIII века. Однако Н.М. Карамзин, творчески освоив предшествующий опыт, выработал несколько новых подходов, которые принципиально изменили типологический алгоритм литературного журнала.

Во-первых, издатель жестко зафиксировал структуру номера и журнала в целом. Чуть позже стало ясно: Н.М. Карамзин действительно последовательно придерживался своего «плана». Рассказывая публике о намерении продолжать журнал в 1792 г., он продублировал эту структуру: «И на тот год содержание “Московского журнала” будут составлять разные небольшие русские сочинения в стихах и в прозе. “Письма русского путешественника”, переводы из лучших иностранных авторов, анекдоты всякого рода, известия о славнейших наших иностранных книгах, о пьесах, представляемых на парижских театрах, о новостях нашего московского театра, о русских книгах и проч. Сверх того, будут сообщаемы извлечения из новых интересных путешествий и краткие биографии славнейших новых писателей, таких, которые известны уже публике по их сочинениям» (III, с. 246).

Наличие постоянных отделов и рубрик – одно из тех значительных достижений, которое, по мнению В.Г. Березиной, дает право считать молодого редактора родоначальником «настоящего журнала» [2, с. 99].

Во-вторых, весь этот разнородный материал предполагалось давать «под одной обложкой», объединяя художественный, литературно-критический и публицистический («описание разных происшествий») дискурсы и закрепляя предлагаемую связку в со-

знании читателя строгой ежемесячной периодичностью выхода номеров. Через год Н.М. Карамзин открыто провозгласит полидискурсивность и занимательность журнала одним из своих приоритетных принципов: «Постараюсь, чтобы содержание журнала было как можно разнообразнее и занимательнее» (III, с. 247), а в сообщении об издании своего второго журнала – «Вестника Европы», вооруженный предшествующим издательским опытом, с убежденностью заявит об этом еще раз: «...достоинство его состоит в его разнообразии» (V, с. 6).

В-третьих, бросается в глаза принципиальная нацеленность Н.М. Карамзина на новостную – художественную, театральную, общекультурную. В двух своих объявлениях он обещал знакомить публику не просто с хорошими, по его мнению, произведениями, но с «новыми песнями» русских авторов, «извлечениями из новых интересных путешествий», сообщать о «новых иностранных книгах», «о новостях нашего московского театра», давать краткие биографии «новых писателей» российских. Одновременно со словом «новый» все время повторяется (и оттого приобретает почти терминологический смысл, значение отборочного критерия) еще одно определение – «важный». Новость должна быть важной, «достойной примечания», «заметной», и, наконец, она должна быстро, вовремя доходить до читателей.

Не изменилась эта установка Н.М. Карамзина и в период издания «Вестника Европы». Своими переводами, прежде всего французских писателей, редактор старался своевременно знакомить русское общество с чувствами, образом мыслей, особенностями словесной культуры лучших современных европейских авторов. Он обещал помещать на страницах журнала «все, что покажется... любопытным, хорошо написанным и что выходит во Франции, Англии, Германии и проч.» (VI, с. 227). «Таким образом лучшие авторы Европы должны быть в некотором смысле нашими сотрудниками. <...> Нам приятно думать, что в Грузии или в Сибири читают самые те пиесы, которые (двумя или тремя месяцами прежде) занимали парижскую и лондонскую публику», – писал Н.М. Карамзин после первого года издания журнала (VI, с. 227–228).

Декларируемые издателем принципы требовали осмысления еще одной непростой проблемы: кем определяется и чем обуславливается выбор книги, литературного факта, культурного события, достойных освещения. Н.М. Карамзин предложил решение этой задачи, которое оказалось весьма продуктивным для дальнейшей «типологической» судьбы русского «толстого» журнала.

Логично было предположить, что рассмотрение проблемы, относящейся к области журналистской теории, должно разворачиваться в научно-теоретическом дискурсе с использованием характерных для него когнитивных приемов и языковых средств. Однако Н.М. Карамзин, на первый взгляд, спонтанно переводит разговор в систему личностных взаимоотношений «издатель – читатели» (социально-публицистический дискурс). При этом в тексте появляется лирическая струя, связанная с репрезентацией различных аспектов «литературной личности» автора.

Исследовательская категория «литературная личность» автора была введена Ю.Н. Тыняновым. Под «литературной личностью» («авторской личностью») им понималась личность, «которая оживала у читателей из стихов» [6, с. 146] и в дальнейшем проецировалась в обыденное сознание публики. Она была далека от «биографически подлинного» автора и проявлялась в тексте как речевая установка писателя или как образ «лирического героя». Последнее было продемонстрировано Ю.Н. Тыняновым на примере лирического творчества А.А. Блока. В дальнейшем в работах В.В. Виноградова, представителей литературоведческой школы Б.О. Кормана, в исследованиях Н.К. Бонечкой, Н.Т. Рымаря, В.П. Скобелева, В.А. Свительского была проведена детальная теоретическая дифференциация субъектных форм выражения авторского сознания в художественном тексте. На наш взгляд, изучение форм выражения авторской модальности в литературно-критическом тексте также требует разграничения исследовательских категорий «реальный автор» и «субъект творческой деятельности». Последний может являться реципиенту в различных «модификациях», в том числе в форме «литературной личности» автора, которая не

совпадает абсолютно с автором «биографически подлинным» [6, с. 146].

Рассмотрим, какие способы и формы предъявления авторской субъективности использованы в карамзинских текстах и с какой целью.

В объявлениях издатель настойчиво напоминает: журнал «издает *один* человек» (III, с. 244), хотя «*сочинять* журнал одному трудно и невозможно» (V, с. 6) (выделено Н.М. Карамзиным. – *О. Ш.*). Подобные высказывания можно трактовать как сетования на трудоемкость редакторского труда. Однако учет общих целей объявления, анализ композиционных приемов и способов текстового выражения авторской модальности дают весомые основания предполагать наличие гораздо более важных для автора интенций и настойчивое желание сделать свои намерения понятными для других, причем как на уровне смысла, так и на уровне эмоционального восприятия.

Во всех трех объявлениях разговор с аудиторией ведется от первого лица – «от издателя к читателям», никаких масок и псевдонимов (ср.: Правдолюбов и Чистосердов в новиковском «Трутне»): «Намерен я издавать журнал...», «Вот мой план...», «...я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом...», «...ручаюсь за верное доставление журнала» (I, с. 6); «Множество иностранных журналов лежит у меня перед глазами; ни одного из них не возьму я за точный образец» (II, с. 3); «Я издал уже одиннадцать книжек», «...решился я продолжать его и на будущий 1792 год», «...я постарался бы на тот год сделать наружность журнала приятнее для глаз читателей; я мог бы выписать хорошие литеры...» (III, с. 247) и т. д.

При этом издатель постоянно подчеркивает личную заинтересованность в успехе «Московского журнала»: «Изъявляю публике искреннюю мою признательность. Я работал охотно, видя число пронумерованных» (VII, с. 283). Он открыто выражает свои чувства: надеется, что публика одобрит его программу, думает о том, как сделать журнал лучше и разнообразнее, строго предупреждает о намерении беспристрастно замечать «худое и хорошее», обещает исключать произведения,

«недостойные внимания публики», опасается наскучить своим подписчикам. Оставляя редакторскую стезю, Н.М. Карамзин с грустью и благодарностью прощается с читателями: «С сожалением удаляюсь от публики, которая обязала меня своим лестным вниманием и благорасположением» (VII, с. 284–285). Одновременно он радуется окончанию тяжелых трудов, поскольку взамен обретает творческую свободу и возможность строить новые издательские планы. Целая палитра эмоций и переживай, волнующих автора, не может и читателей оставить равнодушными. Доверительный искренний тон «подключает» их к проблемному полю сообщения эмоционально.

В объявления Н.М. Карамзин органично включает и такие нехарактерные для информационного жанра компоненты, как факты собственной биографии, лирические признания, субъективно окрашенные размышления, никак не связанные с прагматической установкой самих текстов объявлений. Они не несут новой информации, поясняющей условия подписки или структуру будущего издания. При этом тексты объявлений невелики по объему, а значит, несущественной информации в них быть не должно. Тем не менее перед нами чисто публицистические размышления, тяготеющие то к философскому, то к бытовому, житейскому, то к биографическому дискурсу.

Не укладываются эти фрагменты и в нормы, предписывающие рационально расходовать языковые ресурсы. Напротив, именно здесь автор наиболее активно использует образный арсенал публицистики и художественного творчества. Свои размышления он облакает в форму либо философских квинтэссенций о жизни и человеческой природе («Скорее Москва-река вверх пойдет, нежели человек сделает что-нибудь беспорочное – и горе тому, кто не чувствует своих ошибок и пороков!» (III, с. 243)), либо образных развернутых сравнений, претендующих на афористичность («Надежда, кроткая подруга жизни нашей, обещает мне более спокойствия в будущем...» (III, с. 244)). Тексты насыщены эпитетами («благородная и бескорыстная любовь к добру», «почтенная публика, славнейшие книги»), метафорическими выражениями («олтарь благодетельных муз», «удалиться в мрак неизвестности», «труд –

памятник души и сердца»), нередко лексические повторы и синтаксический параллелизм («свободные часы, часы отдохновения», «то я с радостью, с сердечной радостью... буду учиться – буду пользоваться сокровищами древности»).

Для карамзинских объявлений характерна выраженная рецептивная установка, заметная и на интенциональном, и на стилевом уровнях. Автор изначально нацелен на диалог между читателями и журналом, поэтому использует целый комплекс риторических приемов: прямые обращения к читателям, риторические вопросы и восклицания. Например: «Журналы выдавать не шутка – я знаю – однако чего не делает охота и прилежность?» (II, с. 3); «Такова наша участь!» (III, с. 243); «Таковы мои правила!» (V, с. 8).

Употребление экспрессивно-оценочной лексики и частое обращение к риторическим приемам для акцентирования внимания на той или иной точке зрения и привлечения читателя на сторону редакции обнаруживаются во многих программных литературно-критических текстах в силу серьезности стоящих перед ними аудиторных задач. Можно ли расценивать введение в информационные по своим задачам тексты лирико-публицистической струи и использование приемов, отличающих художественно-публицистические жанры, как непоследовательность или оплошность Н.М. Карамзина, допустившего подобную содержательную и стилистическую избыточность по неопытности или небрежности?

Нельзя отрицать, что столь интенсивно и разнообразно выраженная авторская субъективность во многом была обусловлена установкой сентименталистов на внимание к отдельному, личному, индивидуальному, в первую очередь к неповторимым проявлениям человеческой личности.

Однако главная причина заключалась в том, что лирический разговор автора объявлений «Московского журнала» с «друзьями своего сердца», апелляция к их разуму, чувствам, воображению, создававшие настроенные задушевной беседы, являлись хорошо продуманной прелюдией к тому, что должно было в ближайшем будущем произойти на страницах журнала. Ведь в своей художе-

ственной и автобиографической прозе, в частности «Письмах русского путешественника», Н.М. Карамзин планировал продолжить искренний задушевный разговор со своим Читателем, избрав личностную жанровую форму писем. Литературно-критические статьи периода «Московского журнала» также были ориентированы на откровенный искренний разговор с публикой. В целом нам представляется, что задача по формированию читателя нового типа была грандиозна и многогранна, поэтому требовала «совместных» усилий Карамзина-писателя и критика, Карамзина-редактора и Карамзина-человека.

Если же рассматривать указанную особенность в теоретико-журналистском аспекте, то становится очевидным желание Н.М. Карамзина сконцентрировать внимание и читателей, и своих литературных оппонентов еще на нескольких важных моментах.

Журнал был представлен публике как любимое детище, созданию которого отдано так много творческих сил, с которым связаны надежды, жизненные планы, даже душевное состояние издателя. Создавая иллюзию совместного действия, прямо на глазах читателей «новорожденному» было выбрано имя: «Журналу надобно дать имя; он будет издаваем в Москве, итак, имя готово: *Московский журнал*» (I, с. 6). Будущими подписчиками все это «прочитывалось» как своеобразная гарантия достойного качества предлагаемого журнала.

При этом Н.М. Карамзин давал понять: исключительное право принимать решения, связанные с каким бы то ни было аспектом ведения журнала, принадлежит самому издателю. Ю.М. Лотман, отмечая редакторское искусство Н.М. Карамзина, подчеркнул, что, несмотря на обилие в «Московском журнале» материалов, почерпнутых из различных источников, обилие разножанровых отрывков, некоторые противоречия в оценках и мнениях, он воспринимался как единый монолог издателя. Причину исследователь видел в том, что большинство публикаций было написано или переведено самим издателем, «и это, в сочетании с нескрываемым личным тоном редакционных материалов, придавало всему журналу характер лирического единства» [4, с. 210–211].

Были и другие не менее веские факторы, цементирующие журнальный контекст. Карамзинские объявления дают основания утверждать, что «Московский журнал» изначально был задуман как авторский не только по содержанию, но и по своей организационной форме. Отбор материалов для печати, мнение о художественном уровне того или иного сочинения, оригинального и переводного, оценка важности литературных и театральных новостей, определение ценности художественной и литературно-критической информации для аудитории, решение о том, какие книги следует рекомендовать русской публике, не говоря уже о вопросах оформления и доставки, – все предполагалось подчинить редакторской воле.

По сути, Н.М. Карамзин брал на себя обязательства и связанную с ними ответственность единолично управлять и самим журналом, и публикой, формируя ее эстетические потребности, кругозор, нравственный мир. А для того чтобы читатели признали право редактора руководить ими, согласились с его художественными критериями и этическими предпочтениями, передоверили ему выбор информации, крайне важно было с самого начала завоевать их симпатии, сделать своими союзниками. С этой точки зрения интимно-лирические вкрапления в текст объявлений и бесконечно повторяющееся «я» и в «моем журнале» вполне закономерны и функционально необходимы Н.М. Карамзину, несмотря на нарушение всех канонов информационных жанров.

В горячем стремлении непременно заручиться поддержкой публики и привлечь ее на свою сторону он был первым. Вопрос о доверии «печатному листу» (А.С. Пушкин) не раз будет звучать с журнальных и газетных страниц в XIX столетии, трансформировавшись в проблему доверия журналистам и журналистике в целом. И представители различных литературно-общественных движений будут вырабатывать собственные средства и приемы убеждения читателей.

Итак, о принадлежности журнальной публикации к типу программных литературно-критических текстов свидетельствует наличие в них реального прогностического потенциала. В карамзинских объявлениях программировались направление литератур-

ной политики, принципы ведения журнала (постоянство структуры, периодичность, занимательность содержания, ориентация на новизну), редакторские критерии отбора материалов для публикации, общая архитектоника нового ежемесячника.

Программные тексты отличаются органичным взаимодействием двух прагматических установок. Целеустановка самих рассмотренных текстов в соответствии с жанром объявления – информационная, и, «избран жанр, автор творит сообразно установкам данного жанра» [3, с. 25]. Однако у Н.М. Карамзина была своя творческая сверхзадача – создание новаторской модели литературного журнала, поэтому он «вносит свои, личностные коррективы в построение текста, то есть осуществляет свою, авторскую прагматическую установку» [3, с. 25].

В программных публикациях реализуется эксплицитная модель текстопостроения, соответственно, преобладающими, хотя и не единственными способами репрезентации авторских суждений являются манифестация, декларация, безальтернативное утверждение собственной позиции, эксплицитная оценка. У Н.М. Карамзина это открытая манифестация и полемическая декларация систематизированных программных установок без предъявления в тексте доказательной базы и системы аргументации своей позиции.

Конструктивную функцию в механизмах текстообразования программных публикаций, наряду с рационально-логическими структурами, выполняют структуры эмоционально-риторические. Включение в тексты лирических фрагментов обусловлено не стремлением автора к самовыражению, а сильной коммуникативной установкой. В совокупности с наличием подтекста названные особенности формируют у программных литературно-критических публикаций в журнале нехарактерную для информационных жанров эстетическую функцию. В результате рождается уникальный по своим параметрам текст программного типа.

Следовательно, главными факторами, влияющими на структурно-содержательные особенности программных текстов, являются журнальные функции, роль в организации общего журнального дискурса и в реализации политики издания в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Волгоградской области (проект № 15-14-34002 «Литературная журналистика как ресурс формирования социокультурного пространства региона»).

² Подробный анализ структуры литературно-критической рефлексии и специфики репрезентации философско-эстетического дискурса в журнальном контексте представлен в наших предыдущих работах (см.: [7; 8]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3 / В. Г. Белинский. – М. : ГИХЛ, 1948. – 928 с.
2. Березина, В. Г. Карамзин-журналист / В. Г. Березина // Проблемы журналистики. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – Вып. 1. – С. 92–99.
3. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.
4. Лотман, Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. – М. : Книга, 1987. – 336 с.
5. Мисонжников, Б. Я. Отражение действительности в тексте / Б. Я. Мисонжников // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание, 2000. – С. 95–124.
6. Тынянов, Ю. Н. О литературной эволюции / Ю. Н. Тынянов // Литературный факт. – М. : Высш. шк., 1993. – С. 137–148.
7. Шильникова, О. Г. Моделирование художественного пространства в литературно-критическом дискурсе / О. Г. Шильникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2008. – № 1. – С. 88–96.
8. Шильникова, О. Г. Философско-эстетический дискурс литературной критики: структурно-функциональный аспект / О. Г. Шильникова // *Studia methodological*. – 2006. – Вып. 17. – С. 126–136.

ИСТОЧНИКИ

- I* – Московские ведомости. – 1790. – 6 нояб. (№ 89). – С. 6.
- II* – Московский журнал. – 1791. – Ч. I, янв. (№ 12). – С. 3–4.
- III* – Московский журнал. – 1791. – Ч. IV, нояб. (№ 11). – С. 243–247.
- IV* – Московский журнал. – 1792. – Ч. VIII, дек. (№ 12). – С. 331–336.
- V* – Вестник Европы. – 1802. – Ч. 1, янв. (№ 1). – С. 3–8.

VI – Вестник Европы. – 1802. – Ч. VI, дек. (№ 23). – С. 227–229.

VII – Вестник Европы. – 1803. – Ч. XII, нояб. – дек. (№ 23–24). – С. 282–285.

REFERENCES

1. Belinskiy V.G. *Sobranie sochineniy. V 3 t. T. 3* [Collected Works. In 3 vols. Vol. 3]. Moscow, GIKhL Publ., 1948. 928 p.
2. Berezina V.G. *Karamzin-zhurnalist* [Karamzin-Journalist]. *Problemy zhurnalistiki. Vyp. 1* [Journalism Problems. Iss. 1]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1973, pp. 92-99.
3. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [The Theory of the Text]. Moscow, Logos Publ., 2004. 280 p.
4. Lotman Yu.M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p.
5. Misonzhnikov B.Ya. *Otazhenie deystvitelnosti v tekste* [Reflection of Reality in the Text]. Korkonosenko S.G., ed. *Osnovy tvorcheskoy deyatelnosti zhurnalista* [Fundamentals of Creative Activity of a Journalist]. Saint Petersburg, Znanie Publ., 2000, pp. 95-124.
6. Tynyanov Yu.N. *O literaturnoy evolyutsii* [On the Literary Evolution]. *Literaturnyy fakt* [Literary fact]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993, pp. 137-148.
7. Shilnikova O.G. *Modelirovanie khudozhestvennogo prostranstva v literaturno-kriticheskom diskurse* [Modeling Art Space in Literary-Critical Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya"*, 2008, no. 1, pp. 88-96.
8. Shilnikova O.G. *Filosofsko-esteticheskiy diskurs literaturnoy kritiki: strukturno-funktsionalnyy aspekt* [Philosophical and Aesthetic Discourse of Literary Criticism: Structural and Functional Aspects]. *Studia methodological*, 2006, iss. 17, pp. 126-136.

SOURCES

- Moskovskie vedomosti*, 1790, November 6 (no. 89), p. 6.
- Moskovskiy zhurnal*, 1791, part I, January (no. 12), pp. 3-4.
- Moskovskiy zhurnal*, 1791, part IV, November (no. 11), pp. 243-247.
- Moskovskiy zhurnal*, 1792, part VIII, December (no. 12), pp. 331-336.
- Vestnik Evropy*, 1802, part I, January (no. 1), pp. 3-8.
- Vestnik Evropy*, 1802, part VI, December (no. 23), pp. 227-229.
- Vestnik Evropy*, 1803, part XII, November – December (no. 23-24), pp. 282-285.

STRUCTURAL AND CONTENT-RELATED SPECIFICITY
OF PROGRAMME LITERARY CRITICISM TEXTS
IN THE JOURNAL

Shilnikova Olga Gennadyevna

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Literature and Journalism,
Volgograd State University
shog2511@mail.ru, stilvolsu@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article specifies the notions of the structural, content-related, figurative, and functional characteristics of the texts which are traditionally referred to the group of informational genres of journalism. This lets us update the system of factors that influence the formation of the texts' genre specificity in the mass media.

The analysis of programme literary criticism speeches published in the journals of N.M. Karamzin – *Moskovsky Zhurnal*, *Vestnik Evropy* – shows that not only rational and logical structures accomplish the constructive function in the text-formation mechanisms of such publications. The use of imaginative resources of journalistic and artistic discourses plays an important role in the implementation of the author's intentions. The supplementation of programme texts with the components non-typical of informational genres (lyrical and biographical fragments, expressive lexis, artistic and journalistic forms of the author's subjectivity expression) is conditioned by organic interaction of several pragmatic goals in the texts, such as: informational, author's individual (Karamzin as a personality), and author's professional (Karamzin as an editor, writer, literary critic).

These peculiarities together with a subtext contribute to the formation of new features of programme publications, which are not common for informational genres such as aesthetic function and multi-discursivity, reflected in semantic, expressive and vocabulary redundancy. They also expand the range of possible effects on audience – cognitive, emotive, behavioral and communicative.

As a result, a unique informational text of a programme type is formed.

Therefore, a strict differentiation of genre forms of journal texts is only possible when taking into consideration all the possible text goals, as well as its role in the organization of common-journal discourse and publication policy.

Key words: journal, programme texts, genre, recipient, literary criticism, context, function, programming.